УДК 94(47).046
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-60-70

Служилые люди пограничной крепости на Волге в событиях начала царствования Михаила Романова

Я. Н. Рабинович [1], **Ю. Н. Смирнов** [2]

[1] *Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского*
Саратов, Россия

[2] *Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева*
Самара, Россия

Аннотация

Показано, что в Смутное время Самарская крепость оставалась надежным форпостом на юго-восточном пограничье Российского государства. Ей пришлось сыграть важную роль, прежде всего, в борьбе против внутренних врагов. После освобождения Москвы от интервентов и избрания на царство Михаила Романова в Поволжье была предпринята последняя серьезная попытка противопоставить самозванство новой династии – авантюра атамана Заруцкого. До подхода правительственной армии в 1614 г. движение мятежников сдерживали самарский гарнизон и его воевода Д. П. Пожарский-Лопата, которые внесли вклад также в обеспечение связей со странами Востока, в восстановление волжского пути, а в итоге – в возрождение национальной государственности.

Ключевые слова

Россия в XVII в., Смута, история Поволжья, служилые люди, персидское посольство, Самара, Саратов

Для цитирования

Рабинович Я. Н., *Смирнов Ю. Н.* Служилые люди пограничной крепости на Волге в событиях начала царствования Михаила Романова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 1: История. С. 60–70. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-60-70

Service People of the Border Fortress on the Volga at the Beginning of Mikhail Romanov's Reign

Ya. N. Rabinovich [1], **Yu. N. Smirnov** [2]

[1] *Saratov State University*
Saratov, Russian Federation

[2] *Samara National Research University*
Samara, Russian Federation

Abstract

The Volga cities played an important role during the Time of Troubles, but the history of Samara has not been studied enough. There is practically no information about the voivodes and the garrison of Samara from 1602 to 1614. Newly discovered sources allow to correct this gap in historiography. It is known that there were 300 gunmen in Samara and 205 gunmen came to Samara from the destroyed Saratov. Despite the frequent change of power in Moscow, Samara remained loyal to the central authorities, particularly to Tsar Mikhail Romanov elected in 1613. False Dmitry II and his son Ivan ("Vorionok") from Marina Mnishek, who failed to gain recognition in Moscow, did not receive support in Samara. The consistent identification of the Samara garrison and its commanders with the supreme authority served as a defense against internal unrest. In the face of an external threat, this factor saved Samara from the fate of Saratov and Tsaritsyn that disappeared during the Time of Troubles. Also the courage of the defenders of Samara was supported by the prophecy of Alexy, Metropolitan of Moscow, stated that the enemy would never capture this city. The

© Я. Н. Рабинович, Ю. Н. Смирнов, 2020

article shows that in the Time of Troubles, the Samara fortress continued to be a reliable outpost on the southeastern border of Russia. The fortress had to play an important role, first of all, in the fight against internal enemies. After the liberation of Moscow from the invaders and the election of Mikhail Romanov as the Tsar ataman Zarutsky made the last serious attempt to struggle against the new dynasty in the Volga region. Before the government army went on the offensive in 1614, the rebel movement was restrained by the Samara garrison and by its voivode D. P. Pozharsky-Lopata. They also contributed to ensuring ties with the countries of the East, to the restoration of the Volga route, and eventually to the revival of national statehood. After 1614 the Samara authorities returned to "routine" duties to protect trade routes from robbers instead of fighting against the dangerous anti-government movement.

Keywords

Russia in the 17th century, Time of Troubles, history of the Volga region, service people, Persian embassy, Samara, Saratov

For citation

Rabinovich Ya. N., Smirnov Yu. N. Service People of the Border Fortress on the Volga at the Beginning of Mikhail Romanov's Reign. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 1: History, p. 60–70. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-1-60-70

Города и регионы Поволжья сыграли важнейшую роль в период Смуты. Это было отмечено учеными в исторических сочинениях, а также отразилось в коллективных представлениях в ходе «празднования различных исторических юбилеев», например, 300-летия Дома Романовых еще в 1913 г. [Artamonova, 2016. С. 903]. Однако история Самары того времени привлекла внимание исследователей и общественности лишь начиная с конца XX в. [Самарская летопись…, 1993. С. 52–58]. Особый интерес вызвали последние годы Смуты. Именно тогда «Самара выполнила свое предназначение в деле восстановления и укрепления государственности в 1613–1614 гг. на юго-востоке Европейской России», что явилось «серьезным вкладом в возрождение российской государственности в самые тяжелые первые годы правления молодого царя новой династии» [Смирнов, 2014. С. 38].

Этот тезис нашел подтверждение в новейших статьях [Смирнов, Дубман, 2009. С. 11–16] и обобщающих трудах по истории Самары [История Самары, 2015. С. 34–45]. Тем не менее раскрыты далеко не все аспекты этих страниц истории города и использованы еще не все источники, чем и было определено настоящее обращение к данной теме.

Самарская крепость, поставленная на Волге в 1586 г., в течение Смутного времени оставалась надежным форпостом на российском юго-восточном порубежье. Она продолжала нести пограничную службу, охрану водных и караванных путей, сохраняя постоянную лояльность центральным властям, несмотря на их частую смену. Это касалось разных правительств, действовавших при Лжедмитрии I, Василии Шуйском, Семибоярщине, земском ополчении и, наконец, при избранном в 1613 г. Земским собором Михаиле Романове. В отличие от них не сумевшие добиться хотя бы временного признания в Москве «Тушинский вор» Лжедмитрий II и его сын от Марины Мнишек Иван («Воренок») поддержку в Самаре не получили.

При этом о непосредственном управлении московскими властями дальней пограничной крепостью можно говорить с определенной оговоркой. Так, в известном списке А. П. Барсукова [1902] нет сведений о воеводах Самары с 1602 до 1614 г.

В более позднем издании разрядных книг, которое осуществил В. И. Буганов, содержится информация о князе С. Г. Звенигородском, бывшем самарским воеводой в 1604 г. [Разрядные книги…, 1974. С. 175]. Из публикаций других источников известно, что во время похода к Астрахани судовой рати боярина Ф. И. Шереметева в июне – июле 1606 г. воеводой в Самаре являлся Богдан Вельяминов. Он оставался здесь зимой 1607/08 г., когда к нему и далее в Казань направлялись ногайские послы. Некоторые из ногайских мурз во главе с Иштереком, который поддерживал Василия Шуйского, летом 1607 г. кочевали близ Самары и планировали то же самое на лето 1608 г. [Акты…, 1915. С. 175].

После отступления воеводы Шереметева из Царицына к Казани, т. е. с осени 1608 и до лета 1613 г. (в течение пяти лет) сведений о Самаре в известных источниках нет, хотя жизнь в этом городе не прекращалась в отличие от ряда других, лежавших ниже по Волге. Так,

ближайший сосед Самары на юге Саратов был разрушен в разгар Смуты неизвестно кем и неизвестно когда. По мнению И. О. Тюменцева, его уничтожил боярин Ф. И. Шереметев при отступлении из Царицына, т. е. осенью 1608 г. [Тюменцев, 2000. С. 140–141]. Другие исследователи винят в этом ногайцев, совершивших набег в 1612 г. [Трепавлов, 2016. С. 356], третьи – казаков И. Заруцкого, напавших зимой 1613/1614 г. [Данилов и др., 2010. С. 26], четвертые не исключают бытовые версии случайного пожара или ухода отсюда голодных жителей, не получавших несколько лет продовольствия и иной поддержки из центра [Гераклитов, 1923. С. 197]. Как бы то ни было, известно, что гарнизон Саратова в полном составе (за исключением тех, кто встал на сторону самозванцев) в 1613 г. находился в Самаре.

Предположительно, в первые годы Смуты гарнизон Самары насчитывал 200–300 пеших стрельцов и 100 конных стрельцов (судя по наличию в составе гарнизона сотника и пятидесятника конных стрельцов), а также несколько детей боярских, пушкарей и воротников. В дальнейшем в событиях Смуты самарцы потеряли 50 пеших и 50 конных стрельцов.

В переписке самарского воеводы с Москвой говорится об окладной книге Самары. Она велась с 1 сентября 1612 г. до 31 августа 1613 г. и была отправлена в Москву, где была получена «в лето 7122-е», т. е. уже после 1 сентября 1613 г. Дьяки в Москве делали из нее выписку в мае 1614 г. В эту книгу заносились все служилые люди города, которым выдавалось жалование. Трудно сказать, кем была составлена эта окладная книга, – самим воеводой, появившимся в 1613 г., или каким-то предшественником, возможно, здешним стрелецким головой, временно руководившим городом. В окладной книге указано: «Такова память прислана из Казанского дворца: по окладным книгам прошлого 121-го году, каковы присланы в нынешнем во 122-м году: на Самаре самарских конных стрельцов 50 человек, да пеших 250 человек, и обоего самарских конных и пеших стрельцов 300 человек. На Самаре же саратовских конных стрельцов 75 человек да пеших 130 человек. И обоего саратовских стрельцов на Самаре 205 человек» [Памятники…, 1892. С. 241].

В целом общий состав гарнизона Самары в 1613 г. состоял из немногим более 500 стрельцов, включая саратовцев, некоторое число астраханцев, десяток-другой служилых людей по отечеству, несколько пушкарей и воротников. Гражданское население было немногочисленным. Известно, что в Самаре жили женщины и дети, которые страдали от голода («волочились меж двор»). Скорее всего, это были члены семей стрельцов. Постоянное посадское население здесь практически отсутствовало.

Трудно определить, когда в Самару прибыл воевода князь Дмитрий Петрович Пожарский-Лопата и кто его отправил в этот город. В августе – октябре 1612 г. он еще сражался под Москвой. Зимой 1612/1613 г. маршрут степью из Москвы через Нижний Новгород и Алатырь до Самары с многодневной ночевкой в безлюдной заснеженной степи был очень сложным, такие опасные путешествия предпринимали только подготовленные гонцы. Весной и летом «Алатырские места» постоянно подвергались нападениям враждебных ногайцев. Для нового воеводы дорога в Самару пролегала, скорее всего, Волгой через Казань и только после подавления там мятежа Ивана Биркина и Никанора Шульгина.

Воеводу в Самару отправили из Москвы, скорее всего, весной или летом 1613 г., как только Казань признала нового царя Михаила Романова. Этому, правда, на первый взгляд противоречит одно из донесений 1614 г., когда Пожарский-Лопата писал: «А к тобе, государю, мне, холопу твоему, писати ложно не пригодитца. Да как, государь, Московским государством владели бояря, и я, государь, и тогда ложно не писывал» [Там же. С. 226–227]. Данная фраза может косвенно указывать на то, что он был назначен воеводой в Самару вскоре после освобождения Москвы еще до прибытия в столицу Михаила Романова в начале мая, когда фактическая власть в стране принадлежала Боярской думе. Однако эта фраза не обязательно относится к самарскому периоду в жизни воеводы, а подразумевает, что он «ложно не писывал» на службе под Москвой или в Москве в 1612–1613 гг.

Первые сохранившиеся документы, адресованные этому воеводе Самары, датируются осенью 1613 г. Известно, что 23 сентября 1613 г. Пожарский-Лопата отправил к волжским казакам с грамотой донского атамана Ивана Онисимова с целью склонить волжских атама-

нов и казаков к присяге Михаилу Романову и к отказу от поддержки Заруцкого в Астрахани, а также выяснить текущее положение дел на Нижней Волге и планы Заруцкого. Онисимов вернулся в Самару в апреле 1614 г., привез важные сведения, а также способствовал переходу некоторых казаков на сторону Михаила Романова [АИ, 1841. С. 423].

Многие документы о событиях в Самаре в первые месяцы 1614 г. связаны с отправкой первого посольства Михаила Романова в Персию. Эти документы охватывают период с ноября 1613 г. до мая – июня 1614 г. Они еще недостаточно использовались исследователями, которые чаще цитируют их по работе П. П. Бушева [1987].

Второй комплекс документов известен лучше. Он содержит важную информацию для истории Самары в связи с походом воеводы И. Н. Одоевского к Астрахани весной 1614 г. [СГГД, 1822; АИ, 1841].

Третья группа документов относится к пребыванию в Самаре бухарских и хивинских купцов в 1613–1614 гг. В одном из них упоминается начальник самарский стрелецкий голова Савин Есипов [Материалы…, 1932. С. 119]. Он весной 1613 г. служил в Курмыше, где одно время исполнял обязанности воеводы [Веселовский, 1994. С. 76]. Потом Савин Есипов был переведен в Самару.

Весной 1614 г. первым помощником воеводы Пожарского-Лопаты на Самаре был стрелецкий голова Григорий Федорчуков. Также упоминается сотник пеших стрельцов Григорий Порасуков [Памятники…, 1892. С. 237–239].

Известны имена самарских конных стрельцов (30 человек), которые во главе с сотником конных стрельцов Иваном Мизиновым сопровождали персидского посла и русских послов Тиханова и Бухарова, приняв при возвращении домой от р. Эмбы тяжелый бой с кочевниками. Двое из стрельцов погибли, а пятеро были ранены [Там же. С. 242, 249–251].

Помощником сотника Мизинова был пятидесятник конных стрельцов Найден Булыгин. Он не участвовал в этом походе, а был отправлен гонцом в Москву. Еще одним стрелецким командиром был пятидесятник Игнатко Микитин.

В составе гарнизона Самары в это время были и астраханские стрельцы, которые не признали атамана Заруцкого, а некоторые еще раньше перебежали из Астрахани к воеводе Шереметеву. Среди них был астраханский пятидесятник Игнат Ильин.

Из гражданской администрации известен подьячий Максим Дубровин. В июле 1613 г. он сам изъявил желание быть на Самаре в подьячих, написал челобитную с просьбой отправить его в этот город, заплатил полполтины пошлины. 27 июля 1613 г. была запечатана и отправлена грамота на Самару о назначении Дубровина [Веселовский, 1994. С. 267].

Из служилых людей по отечеству в Самаре известны самарские жильцы Андрей Аристов, Иван Челищев (гонцы в Москву), Иван Данилов. Последний был послан воеводой Пожарским-Лопатой на Волгу к атаманам и казакам с государевыми грамотами. По-видимому, служилым по отечеству был и Илья Своробоярский. Несколько служилых людей по отечеству из других городов находились в Самаре: Казарин Титов из Алатыря, Киприан Дубровин, Борис Кузьминский и Чуваш Андреянов из Казани. Казанский жилец Дубровин 11 декабря 1613 г. привез воеводе Пожарскому-Лопате грамоту из Посольского приказа, а потом ездил к донским казакам.

О набегах ногайских татар воевода докладывал, что в 7120 г. (1611/1612 гг.) был взят в плен ногайский татарин Авелейко Кучуков «Иштерекова улусу Катайского роду» на перевозе ниже Самары, где «возилися татаровя с крымские строны на нагайскую сторону с руским полоном», который захватили в Алатырском уезде [Памятники…, 1892. С. 164, 182]. По-видимому, самарские стрельцы в ходе этого боя сумели также освободить некоторое число русских пленных, в том числе женщин и детей. Не исключено, что кто-то из них остался в Самаре.

Недостаток продовольствия объяснялся отсутствием пашенного земледелия даже в ближних окрестностях Самары. Это занятие оставалось небезопасным из-за угрозы со стороны кочевников вплоть до конца XVIII в. [Артамонова, 2013. С. 234].

В Самаре хлеб был привозной. Осенью в конце сентября (так называемый Сергиевский срок, память Сергия Радонежского) караван судов по Волге доставлял хлеб из Казани в Самару. Это продовольствие было рассчитано на полгода. В конце зимы (Благовещенский срок) по последнему снегу (по пластам) хлеб доставлялся сухопутным путем из Алатыря. Отвечали за доставку хлеба воеводы Казани и Алатыря.

Осенью 1613 г. хлеб из Казани был поставлен не в полном объеме, а в марте 1614 г. хлеб из Алатыря был привезен с некоторой задержкой, позднее Благовещенского срока. Об этом воевода отправлял донесения с астраханским пятидесятником Игнатием Ильиным и самарским жильцом Иваном Челищевым [Памятники…, 1892. С. 223–224, 227–230].

В период междуцарствия (точное время не указано, «как де было на Самаре смутное время») в Самару прибыли купцы из Средней Азии, но «самарские люди многих тезиков торговых людей побили до смерти и товары их пограбили» [Там же. С. 171]. После этого иноземные купцы несколько лет не появлялись на Самаре.

Осенью 1613 г. в Самару после перерыва прибыл большой караван иноземных купцов (300 чел.) из Ургенча и Бухары. Донесение воеводы Самары о его прибытии было получено в Москве 5 декабря [Там же. С. 182]. Учитывая сроки доставки донесений, можно предположить, что купцы прибыли в Самару в первых числах ноября.

Часть из них воевода Пожарский-Лопата отправил вскоре назад, как он сам писал, «тезичьих кашеваров худых людишек отпустил сорок человек», чтобы они сообщили в Ургенче и Бухаре о благополучном приезде купцов на Самару и о восшествии на престол Михаила Романова. Остальных тезиков он оставил на Самаре до царского указа [Там же. С. 171].

Тут же последовало гневное письмо из приказа Казанского дворца «с опалою» и требованием, чтобы всех тезиков отправить в Казань, что воевода и выполнил. Однако вскоре последовал новый указ из Москвы (теперь из Посольского приказа) – вернуть из Казани в Самару главных тезиков-купцов (Дервиш-Бабу из Ургенча и Хозя Науруса из Бухары), чтобы они подробно рассказали о дороге в Ургенч, поскольку по этому пути предполагалось отправить русское посольство и вернуть домой персидского посла. При этом воеводу снова ругали за то, что отпустил тезиков в Казань. Кроме того, отправленный Пожарским-Лопатой в Москву с донесением алатырец Казарин Титов сообщил в столице, что воевода отправил в Ургенч не 40, а 150 чел., причем не только кашеваров, но и купцов [Там же. С. 173–174].

В Москве в Посольском приказе планировали часть этих людей отправить сопровождать русское посольство, а остальных задержать в Казани в качестве заложников. Последовало очередное гневное письмо Пожарскому-Лопате: «И ты к нам пишешь ложно, не так как делаешь, и то ты делаешь дуростью и пьянством, по посулам такое наше великое государственное дело своею дуростью поставил для своей безлепишной корысти…». В ответ воевода в донесении 5 марта 1614 г. просил не верить Титову: «И я холоп твой, пишу к тебе, к государю не ложно и не пьянством, и дурости никакой в Самарском не делаю, и посулов никаких не имовал». Были в Самаре ранее также сибирские татары, которых отправили в Казань [Там же. С. 178, 226–227].

Русское посольство Михаила Тиханова и персидское посольство Ами Али-бека прибыло в Самару из Алатыря 28 февраля, а 1 марта из Казани – тезики Дервиш-Баба и Хозя Наурус. Русское и персидское посольства состояли из 37 чел., 115 лошадей (по другим сведениям – 110). Их сопровождали в качестве охраны 26 алатырских казаков [Там же. С. 206–209, 213–215].

Воевода обеспечил встречу в съезжей избе тезиков Дервиш-Бабы и Хозя Науруса с послами, на которой были разрешены вопросы о маршруте следования [Там же. С. 227–230]. Также тезики дали своих людей в качестве сопровождающих до Ургенча и Бухары. Сами же главные тезики после отправки посольства были вновь отпущены в Казань. Там они должны были оставаться заложниками, пока не станет известно, что посольство Тиханова благополучно добралось через Ургенч до Персии.

Вскоре в Самару прибыли с товаром новые тезики из Ургенча: 15 апреля «от Юргенского Арапхана» тезики Хозягул-Абыз и Каразгул, а 20 апреля – караванный голова бек Мамет

Али и другие тезики. Причем Хозягул-Абыз и Каразгул были прошлой осенью на Самаре и были отпущены воеводой Пожарским-Лопатой домой, по-видимому, в числе 40 «кашеваров». Так что это было уже вторичное посещение ими Самары. Они подробно рассказали об обстановке в Астрахани, о планах Заруцкого и Иштерека, о последних событиях в Бухаре, Ургенче и Персии. Эти сведения были получены от их знакомых, возвращавшихся из Астрахани [АИ, 1841. С. 421–422]. Однако о посольстве Тиханова им ничего не было известно, по-видимому, они разминулись в степи.

Пошлину с иноземных купцов брали на Самаре, за исключением тех купцов, которые были посланы от правителей Бухары и Ургенча со специальными грамотами для продажи и для закупки на Руси товаров «на царев обиход» (обычно это были кречеты, панцири, черные лисицы, рыбий зуб). Отмечалось, что при Пожарском-Лопате значительно возросло поступление денег в казну из Самары: «Прежние воеводы собирали в казну по 500 р. в год, а князь Лопата собрал 12 тысяч рублей» [Корсакова, 1905. С. 248].

Самый больной вопрос для воеводы – обеспечение прибывшего в Самару русского и персидского посольств продовольствием, охраной, а также лошадьми. Пожарский-Лопата пытался взять лошадей у прибывших с обозом продовольствия алатырцев. Он пишет в донесении, что «велел выбрать у детей боярских у алаторцов… которые лошади нарочиты, и послал к шахову послу Амир Али беку, и он лошадей не взял и прислал назад ко мне, холопу твоему, а сказал, что лошади худы. А лутче тех лошадей в Сомарском нет, добыть не мочно» [Памятники…, 1892. С. 223–224].

Посол Тиханов просил дать в качестве сопровождающих сто конных стрельцов и сопровождать их до Ургенча, в итоге воевода смог выделить только 30 конных стрельцов, и только до р. Эмбы, ведь каждому из них нужна была заводная лошадь, которых в Самаре не было. К тому же нельзя было ослаблять гарнизон. Воевода писал: «На весну ждем под Сомарской снизу воровских людей, идет из Асторахани вор Ивашко Заруцкой с астараханскими ворами и с вольскими с воровскими козаки, и с юртовскими, и с янаряслановыми тотары». У персидского посла были взяты 16 усталых лошадей, их отдали кормить «земским людям». Послы просили дать лошадям овса, но это оказалось сделать трудно: «В твоих государевых житницах хлебных запасов нет ни единые чети, а в миру купити не добыть… А для осадного времени сомарским всяким людем сидети будет нечим: в твоих государевых житницах хлебных запасов для осадново времени нет; многие стрельцы нужны, и стрелецкие жены и дети по миру ходят… А служивые, государь, люди теперя з голоду розно не бредут: держит их зимней путь, а на весну, государь, удержать их з голоду будет не мочно, розбредутца розна». Весь овес был отдан Михаилу Тиханову, «больше овса в Самаре не добыли» [Там же. С. 227–230].

Послы находились в Самаре с 1 марта до 25 марта 1614 г. Отправив в конце марта послов в сторону Ургенча и далее в Персию, а тезиков в Казань, воевода думал, что теперь будет спокойнее. Однако в апреле началась подготовка к походу плавной рати боярина князя И. Н. Одоевского по Волге из Казани против Заруцкого. Сначала был построен острожек в устье Усы, строительством которого, начатым 20 апреля, занимался стрелецкий голова Гордей Пальчиков, присланный Одоевским [АИ, 1841. С. 468]. Ему было указано запретить плавание всех людей, в том числе рыбных ловцов и купцов с товарами, включая продовольствие, ниже Усы до Самары. Это привело к оживленной и гневной переписке Пожарского-Лопаты с Одоевским. На самарского воеводу пошли доносы, будто тот в сердцах грозил неповиновением новому правительству [История Самарского Поволжья…, 2000. С. 46–47]. Правда, это больше походило на привычные не только в начале, но и на всем протяжении XVII в. высказывания руководителей местной власти на отдаленных окраинах: «Я де здесь [сам] не Москва ли?» [Дмитриев, 2011. С. 64]. Серьезных опасений и острой реакции они не вызывали.

В начале мая Одоевский отправил из Казани второй стрелецкий приказ головы Сунгура Соковнина. Ему было поручено поставить еще один острожек на Переволоке с Волги на Усу [АИ, 1841. С. 426]. Потом воевода Одоевский медленно двинулся сам вниз по реке.

Все изменилось 17 мая, когда воевода Одоевский уже приблизился к Самаре. Он писал, что в тот день «вышли к нам на Самару» астраханские стрельцы Микитка Иванов Караган, а с ним 17 человек, и рассказали о восстании в Астрахани против Заруцкого [АИ, 1841. С. 432–434]. В другом месте говорится, что это были астраханские конные казаки приказа Григория Засецкого во главе с Микитой Караганом. В тот же день прибыли в Самару из Астрахани Константин Шушерин и другие станичники с важными вестями об упомянутом восстании и прибытии к Астрахани из Терского городка отряда Хохлова из 700 чел. на страстной неделе в среду 20 апреля. Хохлов привел к присяге юртовских и Янарасланових татар, отогнал конские табуны, оставив Заруцкого безлошадным. Тот укрепился в крепости, оттуда стал артиллерией обстреливать город. Жители бежали из города в лагерь Хохлова. Хохлов просил воеводу Самары о срочной помощи, чтобы не дать Заруцкому уйти. Пожарский-Лопата сразу же отправил «от себя» под Астрахань казанского голову Михаила Соловцова и терского голову Луку Вышеславцева [СГГД, 1822. С. 97–98].

В. Корсакова также указывала, что, будучи воеводой в Самаре, Пожарский-Лопата «отправил два стрелецких приказа под Астрахань» для борьбы с Заруцким. Здесь речь не может идти о стрельцах из Самарского гарнизона, столько людей никогда не было в его составе. Это был передовой отряд войска Одоевского, куда вошли некоторые самарские и саратовские стрельцы [1905. С. 248].

Воевода Самары вообще не мог командовать стрелецкими головами. Эта отправка была согласована с Одоевским, который 17 мая находился уже возле Самары. Возможно, один из стрелецких голов, Лука Вышеславцев, командовал сводным приказом из стрельцов разных городов (терских стрельцов на Самаре были считанные единицы). По-видимому, эти два приказа стрельцов к тому времени уже прибыли на Самару, поэтому о них было сказано отдельно. От себя Пожарский-Лопата отправил из состава гарнизона Самары только часть саратовских и самарских стрельцов. Вслед за ними в тот же день 17 мая Пожарский-Лопата и Одоевский послали еще четыре полных приказа.

Таким образом, в составе передового отряда, отправленного из Самары, оказалось шесть стрелецких голов со своими приказами [АИ, 1841. С. 430–432]. Известны к настоящему времени семеро стрелецких голов, которые участвовали в походе к Астрахани. Это Михаил Соловцов, Лука Вышеславцев, Гордей Пальчиков, Баим Голчин, Иван Остренев, Сунгур Соковнин, Севастьян Онучин. Кто-то из них со своим приказом остался в составе основного войска Одоевского. Возможно, были еще стрелецкие головы со своими приказами, которые остаются нам неизвестны. Сам главный воевода Одоевский, приказав шести головам двигаться наспех к Астрахани, отплыл вслед за ними из Самары 19 мая с основными силами, состоящими преимущественно из служилых людей по отечеству.

Хорошо известна переписка воеводы Одоевского с этими шестью стрелецкими начальниками, чьи имена не указаны, которые разрешили стрельцам 21 мая сделать остановку на Саратовском городище. Там стрельцы копали ямы, искали свои спрятанные вещи и колокола [Там же. С. 441–442]. Все это делалось вместо того, чтобы быстрее плыть к Астрахани. Наверстывая время, воевода Одоевский отписал Хохлову в Астрахань, что он и основное войско «пошли с Саратовского городища к Астрахани со всеми ратными людьми, Майя в 23 день… наспех, днем и ночью» [Там же. С. 14–15].

Дальнейший поход к Астрахани и поимка Заруцкого с «Воренком»-Иваном и Мариной Мнишек выходят за рамки данного исследования. Упомянем только, что 100 самарских стрельцов, участвовавших в этом походе, 13 июля были отправлены из Астрахани. Они сопровождали до Казани в составе отряда стрелецкого головы Михаила Соловцова Марину Мнишек [Там же. С. 33–34]. Недели через две, в конце июля они были дома.

Летом 1614 г. служба воеводы Пожарского-Лопаты в Самаре завершилась. В ряде документов июля – августа 1614 г. упоминаются новые воеводы Самары князь В. И. Туренин и М. В. Белосельский [АИ, 1841. С. 33–34, 38–39; Дворцовые разряды…, 1850. Стб. 152; Разрядные книги…, 1974. С. 297].

Одно из последних писем Лопаты-Пожарского было получено в Уфе: «Июля в 5 день писал к ним с Самары воевода князь Дмитрий Пожарской» [СГГД, 1822. С. 99]. 13 июля Одоевский сообщал уже новым самарским воеводам, что атаманы Треня Ус и Верзига хотят с Яика перебраться на Иргизские вершины и далее идти на Волгу для грабежа караванов [АИ, 1841. С. 33]. От борьбы с опасным антиправительственным движением самарские власти в новом составе возвращались к «рутинным» обязанностям по обеспечению безопасности торговли и преследованию разбойников.

Последовательная «идентификация с царем, властью, авторитетом», которой придерживались гарнизон Самары и его командиры, служила «своего рода защитой от неопределенности и внутренней смуты» [Миронов, 2018. С. 17]. Это стало одной из причин предотвращения опасных конфликтов внутри города, особенно в условиях внешней угрозы, и, возможно, спасло Самару от участи исчезнувших Саратова и Царицына. Твердости духа защитникам города добавляла вера в пророчество Алексия, митрополита Московского, якобы предрекшего Самаре судьбу града, сберегаемого молитвами святителя и божественным промыслом [Смирнов, 2018. С. 372–373]. Вероятно, именно в годы Смуты это сказание вошло «в круг традиционных устных представлений местных жителей о своем прошлом» [Алехина и др., 2018. С. 338].

Вполне справедливым является мнение, что разгром И. Заруцкого, других волжских и яицких атаманов вместе с отражением нападений степняков привел к восстановлению российского контроля над всем великим Волжским путем [«Обретение Родины»…, 2013. С. 128]. Материалы нашего исследования свидетельствуют, что немалую роль в вышеперечисленных событиях на средней и нижней Волге, случившихся в последние годы Смуты и начале царствования Михаила Романова, сыграли служилые люди Самары и их командиры. Небольшая крепость и ее гарнизон способствовали решению не только региональных, но и стратегических задач, вставших перед страной в пору начавшегося восстановления ее государственности, пограничных рубежей, внутренних и внешних транспортных коммуникаций.

Список литературы

Алехина Н. В., Овсянников В. П., Якунин В. Н. и др. Особенности повседневной культуры Средневолжского региона. Рязань: Концепция, 2015. 428 с.

Артамонова Л. М. Рукописи Г. Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Изв. Самар. научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 5-1. С. 229–237.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с.

Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. (по русским архивам). М.: Наука, 1987. 278 с.

Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. М.; Саратов: Друкарь, 1923. 376 с.

Данилов В. Н., Булычев М. В., Ворнежцев А. В. и др. История Саратовского края с древнейших времен до наших дней. Саратов: Приволж. изд-во, 2010. 304 с.

Дмитриев А. В. Некоторые проблемы истории Сибири XVII–XVIII вв. (опыт разработки спецкурса) // Вестник НГУ. Серия: Педагогика. 2011. Т. 12, № 1. С. 59–73.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века / Под ред. Э. Л. Дубмана, Ю. Н. Смирнова. М.: Наука, 2000. 287 с.

История Самары (1586–1917 гг.). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2015. 480 с.

Корсакова В. Пожарский-Лопата, кн. Димитрий Петрович // Русский биографический словарь. Плавильщиков-Примо. СПб., 1905. С. 247–251.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 3. 992 с.

«Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. Ч. 1: Очерки истории. 360 с.

Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. Кн. 1: Самарский край с древнейших времен до середины XIX в. 219 с.

Смирнов Ю. Н. Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного российского города // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. История. 2018. Т. 63, № 2. С. 361–377.

Смирнов Ю. Н. Самарский заслон // Родина. 2014. № 6. С. 34–38.

Смирнов Ю. Н., Дубман Э. Л. Самара в Смутное время // Центр и периферия. 2009. № 1. С. 9–16.

Трепавлов В. В. История Ногайской орды. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 764 с.

Тюменцев И. О. Начало Царицына: гипотезы и факты // Стрежень: Научный ежегодник. Волгоград, 2000. Вып. 1. С. 132–147.

Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3). С. 899–907.

Список источников

Акты времени правления царя Василия Шуйского (19.5.1606 г. – 17.7.1610 г.) // Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1915. Кн. 2 (253), № 91–100. С. 156–235.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. 3. 538 с.

Веселовский С. Б. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М.: Наука, 1994. 479 с.

Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II отделением собственной Е. И. В. канцелярии. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1850. Т. 1. 1224 стб.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР // Материалы по истории народов СССР. Л., 1932. Вып. 3, ч. 1. 504 с.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. // Тр. Восточного отделения императорского Русского археологического общества. СПб., 1892. Т. 21. 451 с.

Разрядные книги 1598–1638 гг. М.: Ин-т истории СССР, 1974. 398 с.

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел. М.: Тип. Селивановского, 1822. Ч. 3. 556 с.

References

Alekhina N. V., Ovsyannikov V. P., Yakunin V. N. et al. Osobennosti povsednevnoi kul’tury Srednevolzhskogo regiona [Features of Everyday Culture of the Middle Volga Region]. Ryazan, Kontseptsiya, 2015, 428 p. (in Russ.)

Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal* [*Bylye Gody. Russian Historical Journal*], 2016, no. 41-1 (3), p. 899–907.

Artamonova L. M. Rukopisi G. N. Potanina “Zapiski o Samare” i “Dedushka iz Samary” – zamechatel’nye pamyatniki “lokal’noi” istorii serediny XIX veka [The Manuscripts by G. N. Potanin “Notes on Samara” and “Grandfather from Samara” as Wonderful Sources in “Local” History of the mid-19th Century]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [*Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*], 2013, vol. 15, no. 5-1, p. 229–237. (in Russ.)

Barsukov A. P. Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya: po napechatannym pravitel’stvennym aktam [Lists of City Governors and Other Persons of the Voivodship Administration of the Moscow State of the 17th Cen-

tury: Based on the Printed Government Documents]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1902, 611 p. (in Russ.)

Bushev P. P. Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenii Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1613–1621 gg. (po russkim arkhivam) [History of Embassies and Diplomatic Relations between the Russian and Iranian States in 1613–1621 (According to the Russian Archives)]. Moscow, Nauka, 1987, 278 p. (in Russ.)

Danilov V. N., Bulychev M. V., Vornezhtsev A. V. et al. Istoriya Saratovskogo kraya s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of the Saratov Territory from Ancient Times to the Present]. Saratov, Privolzhskoe izdatel'stvo, 2010, 304 p. (in Russ.)

Dmitriev A. V. Nekotorye problemy istorii Sibiri XVII–XVIII vv. (opyt razrabotki spetskursa) [Some Problems of the History of Siberia of the 17th – 18th Centuries (Experience in Developing a Special Course)]. *Vestnik NSU. Series: Pedagogy*, 2011, vol. 12, no. 1, p. 59–73. (in Russ.)

Geraklitov A. A. Istoriya Saratovskogo kraya v XVI–XVIII vv. [History of the Saratov Territory in the 16th – 18th Centuries]. Moscow, Saratov, Drukar, 1923, 376 p. (in Russ.)

Istoriya Samarskogo Povolzhya s drevneishikh vremen do nashikh dnei. XVI – pervaya polovina XIX veka [The History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. The 16th – First Half of the 19th Century]. Eds. E. L. Dubman, Yu. N. Smirnov. Moscow, Nauka, 2000, 287 p. (in Russ.)

Istoriya Samary (1586–1917 gg.) [History of Samara (1586–1917)]. Samara, Izdatel'stvo "Samarskii Universitet", 2015, 480 p. (in Russ.)

Korsakova V. Pozharsky-Lopata, kn. Dimitry Petrovich [Pozharsky-Lopata, Prince Dimitry Petrovich]. In: Russkii biograficheskii slovar' [Russian Biographical Dictionary], Plavilshchikov-Primo. St. Petersburg, 1905, p. 247–251. (in Russ.)

Mironov B. N. Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: From Tradition to Modern]. 2nd ed. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2018, vol. 3, 992 p. (in Russ.)

"Obretenie Rodiny": obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.) ["Finding the Homeland": Society and Power in the Middle Volga Region (the Second Half of the 16th – the Beginning of the 20th Century)]. Samara, Izdatel'stvo "Samarskii Universitet", 2013, pt. 1: Ocherki istorii [History Essays], 360 p. (in Russ.)

Samarskaya letopis': ocherki istorii Samarskogo kraya s drevneishikh vremen do nachala XX v. [Samara Chronicle: Essays on the History of the Samara Territory from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century]. Samara, Izdatel'stvo "Samarskii Universitet", 1993, book 1: Samarskii krai s drevneishikh vremen do serediny XIX v. [Samara Region from Ancient Times to the Middle of 19th Century], 219 p. (in Russ.)

Smirnov Yu. N. Retrospektivnyi analiz v zhanre ustnoi istorii besed s zhitelyami doreformennogo rossiiskogo goroda [Retrospective Analysis of Conversations with Residents of the Pre-Reform Russian City in the Genre of Oral History]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 2, p. 361–377. (in Russ.)

Smirnov Yu. N. Samarskii zaslon [Samara Screen]. *Rodina* [*Motherland*], 2014, no. 6, p. 34–38. (in Russ.)

Smirnov Yu. N., Dubman E. L. Samara v Smutnoe vremya [Samara in the Time of Troubles]. *Tsentr i periferiya* [*Center and Periphery*], 2009, no. 1, p. 9–16. (in Russ.)

Trepavlov V. V. Istoriya Nogaiskoi ordy [History of the Nogai Horde]. Kazan, Kazanskaya nedvizhimost Publ., 2016, 764 p. (in Russ.)

Tyumentsev I. O. Nachalo Tsaritsyna: gipotezy i fakty [Beginning of Tsaritsyn: Hypotheses and Facts]. In: Strezhen': Nauchnyi ezhegodnik [Strezhen: Scientific Yearbook]. Volgograd, 2000, iss. 1, p. 132–147. (in Russ.)

List of Sources

AI – Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Historical Documents Compiled and Published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1841, vol. 3, 538 p. (in Russ.)

Akty vremeni pravleniya tsarya Vasiliya Shuiskogo (19.5.1606 g. – 17.7.1610 g.) [Documents of the Reign of Tsar Vasily Shuisky (19.5.1606 – 17.7.1610)]. In: Chteniya v obshchestve istorii

i drevnostei Rossiiskikh [Readings in the Society of Russian History and Antiquities], 1915, book 2 (253), no. 91–100, p. 156–235. (in Russ.)

Dvortsovye razryady, po Vysochaishemu poveleniyu izdannye II otdeleniem sobstvennoi E. I. V. kantselyarii [The Palace Ranks, Published in accordance with the Highest Commandment by the 2nd Branch of Own H. I. M. Chancellery]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1850, vol. 1, 1224 p. (in Russ.)

Materialy po istorii Uzbekskoi, Tadzhikskoi i Turkmenskoi SSR. Chast' 1 [Materials on the History of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR. Part 1]. *Materialy po istorii narodov SSSR* [*Materials on the History of the Peoples of the USSR*], 1932, iss. 3, 504 p. (in Russ.)

Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovykh snoshenii Moskovskoi Rusi s Persiei. Tom 2 [Sources on Diplomatic and Trade Relations of Moscow Russia with Persia. Vol. 2]. *Trudy Vostochnogo otdeleniya imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [*Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*], 1892, vol. 21, 451 p. (in Russ.)

Razryadnye knigi 1598–1638 gg. [Appointment Books 1598–1638]. Moscow, Institut istorii SSSR, 1974, 398 p. (in Russ.)

SGGD – Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii Inostrannykh del [A Collection of Government Letters and Treaties Held by the State College of Foreign Affairs]. Moscow, tipografiya Selivanovskogo, 1822, pt. 3, 556 p. (in Russ.)

Veselovsky S. B. Dokumenty Pechatnogo prikaza (1613–1615 gg.) [Documents of the Seal Administration (1613–1615)]. Moscow, Nauka, 1994, 479 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
25.10.2019

Сведения об авторах

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (ул. Астраханская, 83, Саратов, 410012, Россия)
rabinovichyn@yandex.ru

Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королева (Московское шоссе, 34, Самара, 443086, Россия)
smirnov195503@yandex.ru

Information about the Authors

Yakov N. Rabinovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History and Archaeology, Saratov State University (83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation)
rabinovichyn@yandex.ru

Yury N. Smirnov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of Historical Faculty, Samara National Research University (34 Moskovskoe Ave., Samara, 443086, Russian Federation)
smirnov195503@yandex.ru